

временной математики, физики и других наук, то можно с уверенностью сказать, что идеи Канта получают в них убедительное подтверждение и рациональное, чуждое субъективизму и агностицизму, выражение.

Грани кантовского гуманизма

Б. В. Мееровский
(*Московский институт народного хозяйства*
им. Г. В. Плеханова)

По удачному выражению Н. А. Бердяева, «гуманизм — необходимый опыт человечества»¹. Этот опыт приумножался на протяжении веков, начиная, пожалуй, с Сократа и его учеников. Одним из первых философов-гуманистов по праву считается Цицерон, провозгласивший человечность (*humanitas*) высшей духовной ценностью, отстаивавший идеи свободы, добродетели и счастья. Гуманистические идеалы были созвучны римским Stoicam (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий), их проповедовали «отцы церкви». Христианство сыграло значительную роль в развитии гуманизма, выдвинуло и обосновало приоритет внутреннего, духовного мира человека, самоценность каждой личности.

В эпоху Возрождения гуманизм выступает уже как целостная система взглядов, широкое течение общественной мысли. «О достоинстве и превосходстве человека» — так озаглавил свое сочинение итальянский философ-гуманист Дж. Манетти (1396—1459). В этом названии с предельной выразительностью раскрывается сущность гуманистического мировоззрения мыслителей Ренессанса.

Идеи гуманизма получают дальнейшее развитие в философии европейского Просвещения. Гуманизм просветителей преодолевает «возрожденческий индивидуализм» (А. Ф. Лосев) и приобретает ярко выраженную социальность. На передний план выдвигаются не столько интересы отдельной личности, сколько надежды и стремления всего «человеческого рода».

Гуманистические ценности были близки и классикам немецкой философии второй половины XVIII — начала XIX века. Ее родоначальник — Иммануил Кант оставил глубокий след в истории гуманизма. Но гуманизм Канта, как и каждого крупного мыслителя, имеет свою специфику, отличается сложностью, неоднозначностью. С одной стороны, Кант признает человека «главным предметом в мире», а с другой — отвергает принцип человеческого счастья как основы нравственности. Он объявляет человеколюбие высшей добродетелью и вместе с тем считает недопустимым сказать неправду из человеколюбия, даже для того, чтобы «спасти себя или кого другого от угрожающего ему злодеяния»².

Специфические особенности кантовского гуманизма обусловлены во многом его трактовкой человека как двойственного существа, принадлежащего одновременно двум мирам: чувственно воспринимаемому и умопостигаемому. Принадлежа первому из этих миров, человек целиком подчинен законам природы. Поскольку же он принадлежит умопостигаемому миру, он внутренне свободен и независим от природы.

Сфера кантовского гуманизма тесно соприкасается с его этикой и эстетикой. Начнем с этического учения кёнигсбергского мыслителя. При его рассмотрении мы сразу же сталкиваемся с отмеченными выше трудностями и противоречиями. Ведь антиэвдемонистская направленность кантовской этики должна была, казалось, не приближать, а отдалять ее от человека. Но величие Канта как философа-моралиста состояло в том, что он впервые в истории этической мысли раскрыл уникальный характер нравственности, выявил ее специфику, отличающую мораль от других форм сознания и поведения человека.

В противовес сторонникам натурализма, в русле которого развивалась практически вся этика Просвещения, Кант провозгласил, что нравственность — это долженствование, обращенное к человеку, а не стремление или чувство, заложенное в нем самой природой. Мораль, по Канту, не дана нам изначально, и поэтому человек как нравственное существо свободен от своей собственной природы, от того, какими благоприятными или неблагоприятными склонностями он обладает. Подлинно нравственный поступок — это не естественная тяга к добродетели и неприятие порока, а добровольное самоподчинение долгу. Словом, мораль — сфера безусловного долженствования, возвышающая человека над всей окружающей и его собственной природой.

Гуманизм Канта противостоит, таким образом, оптимистической вере в человека, которую исповедовали просветители XVIII в., в частности, представители сентименталистской этики, или теории нравственного чувства (Шефтсбери, Хатчесон, Смит). Добрая воля, побуждающая человека к добру и отвращающая его ото зла, не есть для Канта результат присущей людям благожелательности, чувства симпатии и сострадания. Она (эта воля) всецело определяется «моральным законом», вменяющим человеку добродетель в обязанность, требующим от него: «поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом» (4(1), 279).

Категорический императив Канта, выраженный в этой формуле, выступает как априорный закон практического разума, который определяет лишь форму моральных поступков, но абстрагируется от их содержания. «Формализм — наряду с априоризмом и антиэвдемонистическим ригоризмом — одна из

главных существенных черт кантовского понимания нравственного закона»³. Но не следует абсолютизировать формализм кантовской трактовки морали. Нужно помнить, что различные формулировки категорического императива, встречающиеся у Канта, уточняя и конкретизируя его (императива) требования, подводят к главной мысли: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (4(1), 270).

Категорический императив в этой формулировке проникнут гуманистическим пафосом, искренним убеждением философа в том, что человек имеет в себе самом «высшую цель» и не может служить ни для кого лишь простым средством. В категорическом императиве имплицитно содержится идея равенства людей в моральном отношении, одинаково обязанных соблюдать нравственный закон, выполнять свой долг. Всеобщность, общезначимость категорического императива выражают практически тезис об универсальном характере нравственности, ее общечеловеческом предназначении, противостоят индивидуалистическим трактовкам морали.

«Критика кантовского категорического императива не составляет труда: он формален и абстрактен, как библейские заповеди»⁴. Действительно, критиковать Канта за формализм, абстрактность, ригоризм и т. п. не так уж трудно. Сложнее — выявить и показать позитивное содержание сформулированного Кантом нравственного закона, обращенного к человеку, раскрыть своеобразие категорического императива как критерия морали. Думается, что в наибольшей степени удалось это О. Г. Дробницкому в статье «Теоретические основы этики Канта»⁵. Вера в человека, в его нравственное сознание и добрую волю — вот в чем заключается подлинный смысл кантовских формулировок категорического императива.

Нельзя не принимать во внимание и то, что в процессе разработки Кантом своего этического учения оно наполнялось конкретным содержанием, приобретало еще более ярко выраженную гуманистическую направленность. Особенно показательна в этом отношении «Метафизика нравов» (1797), где рассматривается комплекс нравственных обязанностей человека. На первое место Кант ставит обязанности «по отношению к самому себе», относя к ним самосохранение, заботу о своей жизни и здоровье, а также целый ряд моральных обязанностей, которые противостоят нравственным порокам: лжи, жадности, раболепию. Долг человека перед самим собой как перед моральным существом, подчеркивает Кант, состоит «в запрещении лишать себя внутренней свободы и тем самым делаться игрушкой одних лишь склонностей, стало быть, вещью» (4(2), 356). Выше же всего философ ставит долг человека перед самим собой в развитии и умножении собствен-

ного природного совершенства и в увеличении своего морального совершенства.

Рассматривая нравственные обязанности «по отношению к другим», Кант выделяет любовь и уважение. Конкретизируя эти «обязанности добродетели», он пишет, что «любовь должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние» (4(2), 389). То же самое относится к уважению, которое мы должны оказывать другим. Под уважением надо понимать не просто чувство, которое испытывает, например, ребенок к своим родителям или ученик к учителям, а максимум ограничения нашего самоуважения достоинством человечества в лице другого человека.

В итоге Кант вновь приходит к известному положению о безусловном достоинстве каждой личности, выступающей как «цель сама по себе». «Долг любви к ближнему может быть, следовательно, выражен и так: это долг делать цели других (если только эти цели не безнравственны) моими; долг уважения к моему ближнему содержится в максиме не низводить людей до степени простого средства для [достижения] моих целей (не требовать от другого человека, чтобы он унизил себя, став рабом моей цели)» (4(2), 390).

Нет необходимости доказывать, что эти мысли Канта, высказанные в условиях продолжавшегося господства феодально-абсолютистских порядков, попрания прав личности, отсутствия гражданских свобод, не только имели гуманистическую ориентацию, но и звучали как призыв к социальному и духовному освобождению человека. Вот почему трудно согласиться с преобладавшей до самого последнего времени в советском кантоведении точкой зрения, согласно которой особенности этической концепции Канта проистекают из слабости и отсталости немецкой буржуазии конца XVIII в. Известно, впрочем, что эта точка зрения восходит в свою очередь к «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, где утверждалось, что «добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров...»⁶. К счастью, мы постепенно отходим от подобного упрощенного анализа социально-классовой обусловленности философских систем, которая, несомненно, существует, но, проявляется в гораздо более сложной, опосредованной форме.

О гуманистической ориентации философии Канта свидетельствует и одна из его последних работ — «Антропология с прагматической точки зрения» (1798). Именно здесь он формулирует мысль о том, что человек — «самый главный предмет в мире» (6, 351). Объектом исследования Канта в названном сочинении является человековедение, или антропология, но не «физиологическая антропология», имеющая в виду исследование того, что делает из человека природа, а «прагматическая» — «исследование того, что он, как свободно действующее

существо, делает или может и должен делать из себя сам» (там же).

Надо сказать, что Кант отнюдь не идеализирует человека, видя в нем не только достоинства, но и недостатки. Главная же идея кантовской «прагматической антропологии» состоит в утверждении, что многие свойства личности человека являются результатом его собственных усилий, его воли и разума. Человек может и должен совершенствовать свои умственные и нравственные качества, вырабатывать тот образ мыслей и действий, которые образуют характер. «Человек с принципами, о котором достоверно известно, чего можно ожидать не от его инстинкта, а от его воли, имеет характер» (6, 533). Большое значение Кант придает таким чертам характера, как правдивость, честность, искренность, принципиальность. Именно характер образует основу человеческой личности, служит критерием ее «внутренней ценности», мерой человеческого достоинства.

Способность и стремление к совершенствованию даны не только отдельному человеку, но и всему человеческому роду, подчеркивает Кант. Заключительные строки его «Антропологии» проникнуты верой в человечество, которое может и должно быть «творцом своего счастья» (6, 583), убеждением в том, что «род разумных существ» стремится «подняться от зла к добру и постоянно двигаться вперед, преодолевая различные препятствия» (6, 588).

Как видно, Кант выходит за рамки антиэвдемонизма, выражая уверенность в возможности достижения человечеством счастливого будущего, считая стремление людей к счастью естественным проявлением человеческой природы. Примечательно, что Кант отнюдь не противопоставляет соблюдение долга стремлению к счастью. «В некотором отношении забота о своем счастье может быть даже долгом — отчасти потому, что оно (сюда относится умение, здоровье, богатство) может заключать в себе средства для исполнения своего долга, отчасти потому, что его отсутствие (например, бедность) таит в себе искушение нарушить свой долг» (4(1), 421). Однако Кант настаивает на том, что содействие своему счастью никогда не может быть непосредственным долгом человека и тем более принципом всякого долга. И в этом смысле «принцип счастья» не может служить основанием нравственности, а естественные притязания людей на счастье не должны приниматься во внимание в том случае, когда речь идет о долге. Таким образом, стремление к счастью, определяемое природой человека, «разум ограничивает условием достойности быть счастливым, т. е. нравственности» (6, 580).

Гуманизм Канта получил отражение и в его эстетическом учении, составляющем основное содержание «Критики способности суждения» (1790). Однако и здесь мы сталкиваемся со специфическими особенностями кантовской философии, проти-

воречивостью и неоднозначностью его трактовок категорий прекрасного и возвышенного.

Изолируя в «Аналитике прекрасного» сферу эстетического от практических потребностей человека и даже от нравственности, Кант обеднял понятие красоты, в особенности «свободной красоты», которая, по его словам, «не предполагает никакого понятия о том, чем должен быть предмет» (5, 232), т. е. сводится к любованию одной лишь формой. К свободной красоте Кант относил красоту цветов, орнамента, музыкальной мелодии без определенной темы и т. п. Понимая, видимо, уязвимость подобной эстетизации чистой формы, Кант вводит понятие «привходящей красоты». Так, красота человека, красота зданий (храмов, дворцов) предполагает, по Канту, «понятие цели, которое определяет, чем должна быть вещь, стало быть, предполагает понятие ее совершенства, и, следовательно, она есть чисто привходящая красота» (5, 233).

Как видно, в понятии привходящей красоты содержательная сторона выступает на передний план, что ведет к расширению сферы эстетического, сближает ее с полезным и нравственным. В итоге Кант приходит к выводу, что «прекрасное есть символ нравственно доброго» (5, 375). Этот вывод свидетельствует о стремлении Канта утвердить гуманистическую идею единства красоты и добродетели, которую он впервые высказал еще в своей ранней работе «Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного» (1764).

Гуманистический пафос отличает и учение Канта об идеале. Вот в самых общих чертах суть этого учения. Красота, для которой следует искать идеал, отмечает Кант, должна быть не неопределенной красотой, а красотой, фиксированной посредством понятия об объективной целесообразности, следовательно, должна принадлежать объекту не абсолютно чистого, а отчасти интеллектуализированного суждения вкуса. Нельзя мыслить, например, идеал красивых цветов или красивого пейзажа. Но и о красоте, обусловленной определенными целями, например, о красивом доме, красивом саде и т. д., невозможно представить какой-либо идеал. Вероятно, потому, поясняет Кант, что цели здесь недостаточно определены и недостаточно фиксированы своими понятиями. Следовательно, целесообразность здесь почти так же свободна, как при неопределенной красоте. «Только то, что имеет цель своего существования в себе самом, [а именно] человек, который разумом может сам определять себе свои цели или, где он должен заимствовать их из внешнего восприятия, все же в состоянии соединять их с существенными и всеобщими целями и затем также и эстетически судить о согласии с ними,— только человек, следовательно, может быть идеалом красоты, так же как среди всех предметов в мире [только] человечество в его лице как мыслящее существо (Intelligenz) может быть идеалом совершенства» (5, 237).

Обратимся в заключение к кантовской «Аналитике возвышенного». В отличие от установившегося со времен английских эстетиков середины XVIII в. традиционного разграничения идей возвышенного и прекрасного⁷ Кант сближает их как два вида одной и той же эстетической способности суждения. Различие же между ними он усматривает в том, что «возвышенное в собственном смысле слова не может содержаться ни в какой чувственной форме, а касается только идей разума» (5, 251). Основание для прекрасного лежит вне нас, а для возвышенного — только в нас самих. И еще на одно различие указывает Кант: «Прекрасное готовит нас любить нечто, даже природу, без всякого интереса, возвышенное — высоко ценить нечто даже вопреки нашему (чувственному) интересу» (5, 277).

Известно, что Кант различает два вида возвышенного: математически возвышенное и динамически возвышенное. Первый вид возвышенного связан, по Канту, со способностью души испытывать удовольствие от созерцания безусловно великого. Такое чувство возникает, например, при созерцании египетских пирамид, посещении храма св. Петра в Риме, поясняет Кант, ссылаясь на очевидцев. Что касается динамически возвышенного, то оно имеет место тогда, когда природа воспринимается как сила, но не такая сила, которая вызывает смятение и страх, а как сила, которая не подавляет нас. «Следовательно, возвышенность содержится не в какой-либо вещи в природе, а только в нашей душе, поскольку мы можем сознавать свое превосходство над природой в нас, а тем самым и над природой вне нас (насколько она на нас влияет)» (5, 272—273).

По справедливому замечанию В. Ф. Асмуса, «в учении Канта о динамически возвышенном сказывается высокий гуманизм его философского мировоззрения»⁸. Человек перед лицом могущественных сил природы предстает как разумное существо, сознающее свое достоинство, свою нравственную самоценность. «Это — Фауст, бестрепетно разговаривающий с могучим духом, которого он вызвал силой своего знания»⁹.

Кантовский гуманизм не ограничивается, естественно, рамками этики и эстетики. У него имеются и другие грани. Назовем для примера государственно-правовую теорию Канта, исходным пунктом которой является представление о «моральной автономии» индивида, о способности человека давать «закон себе самому» и поэтому не нуждающемуся в строгом ограничении своих поступков законодательными нормами, во вмешательстве в его жизнь принуждающей к законопослушанию государственной власти.

Гуманизм отличает и кантовскую идею «вечного мира». К этой идее философ неоднократно обращался в своих сочинениях. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант связывает проблему мира с уста-

новлением таких отношений между государствами, которые бы навсегда исключили войны из истории человечества. Он выражает надежду, что в конечном итоге восторжествует идея «великого союза народов», который станет инструментом и гарантом вечного мира. С оптимизмом пишет Кант о том, что «после некоторых преобразовательных революций» утвердится «всеобщее всемирно-гражданское состояние, как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода» (6, 21).

В 1795 г. Кант публикует свой трактат «К вечному миру», в котором содержалась развернутая программа построения мирных добрососедских отношений между народами, создания добровольного союза государств с целью поддержания и обеспечения свободы и мира. Выдвигая идею «всемирного гражданства», Кант обосновывает право каждого человека посещать любую страну и «право всеобщего гостеприимства», обеспечивающего безопасность и благожелательное отношение к лицам, пользующимся «правом посещения». Путь к вечному миру, отмечает Кант, долг и труден, он требует постоянных усилий правителей и народов, направленных на предание политике морально-правовых оснований, упразднения тайной дипломатии, введения широкой гласности в сфере внешней политики.

Конечно же, в идеях Канта о вечном мире было немало умозрительных и утопических элементов, не выдержавших проверку исторической практикой. Но постановка им этой проблемы, выраженная в трактате уверенность в движении человечества к мирному будущему, призыв философа к нравственному совершенствованию общества свидетельствуют о его глубоком гуманизме, сохраняют свою актуальность.

В нашей историко-философской литературе гуманизм Канта обычно квалифицировался как абстрактный, оторванный от жизненных реалий, от практики. В этом, видимо, есть доля истины. И все же в подобной квалификации теряется главное — общечеловеческий характер кантовского гуманизма. Как и другие философы-просветители, Кант обращается к человеку как родовому существу, с особой силой подчеркивает безусловное достоинство и самоценность человеческой личности, настойчиво обосновывает идею высшего нравственного назначения каждого индивида, прогрессивного духовного развития всего человечества.

¹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 319.

² Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 293.

³ Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века. М., 1989. С. 80.

⁴ Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 67.

⁵ См.: Философия Канта и современность. М., 1974. С. 103—151.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 182.

⁷ Наиболее выпукло эта точка зрения выражена в сочинении Э. Бёрка «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757). М., 1979. Рус. пер.

⁸ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973. С. 477.

⁹ Там же.

§ 5. Проблема формы: Аристотель, Кант, Гегель

Л. А. Калинин

(Калининградский государственный университет)

Форма! — сложное, неоднозначное явление, отношение к которому в конечном счете проявляется в укладе жизни и мировидении. Можно выстроить такой ряд слов, как форма, формализм, формалистика, формальный, формалистический, формальность, вычурный, пустой, оболочка, бессодержательный и т. д.; негативное отношение к форме и строгому, определенному порядку выдавливается и выползает из всех щелей этого ряда. Презрение, а не просто даже пренебрежение, к форме воспитано в нас нашей историей. Ну и что, что будет испорчен газон или вытопан прекрасный сад, если прямо через него или, разнеся в щепки изгородь, пройти на несколько метров ближе; ну и что, что не мое, — тут не убудет; ну и что, что он не прав, — у нас у каждого свое право. Все формы у нас размыты, смутны, неуловимы: попробуй отличить мое от твоего, труженика от лентяя, «заслуженные» привилегии от незаслуженных, воров от честных людей, милицию от армии, полномочия конституционные от неконституционных, партийный аппарат от государственного, засеянное поле от проезжей дороги, дно водоема от векового леса, комитет от шайки преступников, специалиста от невежды и даже дурака от гения. Что тут усилия жалкого гражданина-одиночки, десяткам полномочных комиссий не по зубам оказываются такие задачи.

Однако в сознании человеческого давно выстроен и иной ряд: форма, формирование, формотворящий, формирующий, оформленный, формула, формосозидание, порядок, организация, строение, структура и т. д. Ряд этих слов окрашен в позитивные ценностные тона, и просто не может быть иначе. Ведь человек по своей природе — деятельное существо, преобразующее, переоформляющее, формирующее мир соответственно своим целям в деятельности и деятельностью. Деятельность и творчество формы нераздельны, а человеку можно дать одно из самых содержательных определений: формосозидающее существо. Человечность в человеке тем выше, чем с большим уважением он относится к форме, к различного рода нормам и правилам, призванным организовывать достойную человека и его разума жизнь, начиная от элементарных правил дорожного движения и кончая категорическими императивами права